

Добровольческая деятельность как школа нравственного становления молодежи

В. А. СИТАРОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ),

Л. Е. СИКОРСКАЯ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Добровольчество как социокультурное явление неразрывно связано с историей развития общества, имеет свои исторические предпосылки и цивилизационный опыт развития. Добровольческая деятельность по своему духу и сути органично отвечает ценностям и способу существования молодых людей. Добровольчество являет собой способ полноценного развития и существования человека как личности.

Ключевые слова: молодежь, добровольческая деятельность, жизнеспособность, жизнедеятельность, нравственные ценности, волонтер, доброволец, направленность, мотивация, Добро, Благо.

Voluntary Activity as a School of Youth's Moral Formation

V. A. SITAROV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES),

L. E. SIKORSKAIA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Voluntary work as a sociocultural phenomenon is indissolubly connected with the history of society development. It has its historical preconditions and civilization development experience. Voluntary activity inherently and per se satisfies values and the way of youth's existence organically. Voluntary activity is a way of full-fledged development and existence of human being as a person.

Keywords: youth, voluntary activity, viability, sustainability, wheels of life, moral values, volunteer, trend, motivation, Good, Welfare.

Молодежная проблематика в нашей стране обретает сегодня особую значимость. Жизнеспособность России безусловно зависит от жизнеспособности молодого поколения, от его гармоничного развития, творческого потенциала, социальной позиции. Сможет ли современная молодежь в полной мере стать авангардом динамичного развития страны, будет ли стремиться работать на ее благо, вкладывать свой ум, талант и способности в дело ее процветания? Этот вопрос все больше волнует общество, он особо актуально звучит в период усиления кризисных тенденций в экономике. Не

случайно, что 2009 г. объявлен в Российской Федерации Годом молодежи.

Между тем состояние дел в молодежной среде весьма непростое и не вселяет большого оптимизма. Данные исследований указывают на устойчивое снижение просоциальных, нравственных ориентаций молодежи в последние полтора десятилетия (Гневашева, 2008: 23). В ценностной шкале молодых людей эти ориентации, как правило, не поднимаются выше средних значений, уступая место ценностям материального благополучия, успеха и индивидуального самоутверждения. Ведущие позиции занимают также

* Ситаров Вячеслав Алексеевич — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-74-59. Эл. адрес: sitarov@mail.ru

Сикорская Лариса Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-74-59. Эл. адрес: lara.64@mail.ru

потребительно-меркантильные, узко эгоистические интересы, стремление состояться легким путем и т. п. (Молодежь новой России...: 21). Серьезные опасения вызывает не спадающий уровень криминализации, экстремистских, конфликтно-протестных настроений в молодежной среде, распространение алкоголизма и наркомании, аддитивных (от англ. addiction — зависимость), отклоняющихся форм поведения и др. (Короткина, 2008: 18). Здесь нет ничего удивительного, ведь молодежь — это «зеркало» общества, оно отражает его проблемы, а также те явления, которые, утверждаясь сегодня, определяют завтрашний день (Ильинский, 2001). Поэтому от того, каким сформируется облик современной молодежи, во многом зависит судьба России.

Справедливости ради надо сказать, что на долю новых поколений россиян выпало нелегкое время перемен, которое на протяжении двух последних десятилетий непрерывно лихорадит общество. Стоит вспомнить, что падение авторитарного советского строя вызвало вакуум духовности, который вместе с полной стагнацией культурно-воспитательной системы привел к крайне негативным последствиям. В результате большая часть подрастающего поколения оказалась буквально на улице, попадая под влияние активизирующейся преступности и криминальных структур (Ковалева, Луков, 1999: 10). В последние годы государству удалось переломить тенденцию скатывания общества в бездну криминала. Переломить, но не изжить. Не ликвидирована «корневая система» преступности в лице разветвленной коррупции, которая продолжает давать свои пагубные «всходы». Как следствие мы имеем в сухом остатке тот правовой нигилизм, о котором говорит президент Д. А. Медведев, в том числе и среди молодежи.

В настоящий момент российская молодежь живет в стране переходного типа. В контексте глобальной трансформации мира наше общество находится в состоянии перехода, когда старые ценности уже утрачены, а новые еще не сформулированы. Как отмечают

многие мыслители, Россия сегодня находится на распутье, она еще только сосредоточивается. На уровне общественного сознания и самосознания еще не осмыслен и неясен тот «культурный горизонт» движения, новый «предел существования» России как единого и многоликого мира, каковой она всегда выступала. И в этом состоянии высока вероятность сбиться с верного курса, утратить традиционные ценности, духовно-нравственные устои и идеалы Российской культуры.

Вместе с тем сегодня в обществе отмечается низкий уровень нравственности (Положение молодежи в России..., 2005: 19, 27). Сухой экономизм захлестнул общественные институты и массовое сознание, проник во все «поры» общества, подтачивая его нравственные основы. Его проявлениями выступают распространение утилитарно-прагматического мышления, потребительской психологии и спекулятивно-манипуляционных моделей социального взаимодействия. Эти новые «модусы жизни» вызывают мировоззренческие трансформации в обществе. Так, например, понятие «труд» ассоциируется сегодня с сугубо экономической деятельностью, смысл понятия «благо» сведен исключительно к материальному обладанию и выгоде, образование рассматривается как «сфера образовательных услуг», понятия «народ», «нация» заменяются безликим термином «социум» и т. д. Экономические ценности стали определяющими в политике, идеологии, образовании, культуре. Однако эти ценности не могут консолидировать общество, вызвать его подъем, особенно в такой стране, как Россия. Экономика без опоры на нравственность ведет не к всеобщему процветанию, а к всеобщему разобщению, к индивидуализации, атомизации общества и к его распаду.

Нужно особо отметить, что попытка запустить в нашей стране маховик «общества потребления» несет разрушительные последствия в социальном плане. В обществе сложился «сорт» молодых людей, не столько создающих, сколько потребляющих (буквально проедающих) ресурсы и ценности

страны, включая знания и культурное наследие. При этом логика потребления оборачивается глубокой психологической драмой. Человек подобно «белке в колесе» втягивается в бесконечный круг ненасыщаемости витальных потребностей, что неизбежно сопровождается внутренней опустошенностью, тоской и безысходностью.

Особую тревогу вызывает снижение нравственного вектора в культуре, которая во все времена выступала основным «поставщиком» идеалов и образцов идентификации для молодого поколения. Именно культура давала тот полноценный образ героя нашего времени, столь необходимый для входящих во взрослую жизнь юношей и девушек. Чацкий и Онегин, Печорин и Базаров, Болконский и Безухов, Корчагин, Мересьев и другие представляли целостные, развернутые образцы нравственных исканий личности в ее связи с обществом. Сегодня эти образцы и образы «героев» современной России диктуются СМИ, живущими по законам зрелищно-развлекательного жанра. Единодушно отмечаемый кризис идентичности во многом обусловлен тем, что Российская культура повсеместно вытесняется массовой культурой, на место героя нашего времени приходят образы-однодневки для слепого подражания. Массовая культура формирует безответственное и бездуховное отношение к жизни как к игре, правила которой диктуются сильными, т. е. теми, кто обладает богатством и властью.

Распространившийся в обществе спекулятивный экономизм продуцирует атмосферу равнодушия, цинизма, душевной черствости, безразличия и неверия. В такой атмосфере пределом мечтаний для значительной части пассионарной молодежи выступает «рублевско-куршавелевский» стандарт жизни, который активно пропагандируется масс-медиа и новой элитой. Такому «стандарту» неведомо чувство стыда, угрызения совести, заботы о ближнем. При этом отмечается, что впервые в русской истории «новая интеллигенция» стала напрямую выражать интересы богатых и сильных (Климова, 2008). В предшествую-

щие эпохи русская интеллигенция (при всей ее неоднородности, радикальности и условной оппозиционности) отличалась высокой социальностью, стремилась вести диалог с властью от лица «униженных и оскорбленных», позиционируя себя выразителем чаяний и интересов народа. (Вспомнить хотя бы массовое «хождение в народ» в 70-е годы XIX в. и пр.) Сегодняшняя интеллектуальная элита в массе своей безоглядно устремилась по другую сторону социальной лестницы, пытаясь «парить» над народом и снисходить к нему от лица тех, кто устанавливает «правила игры». Эта элита продуцирует «глянцевую культуру», заполонив журналы и СМИ меркантильным гламуром, подающимся как образец той заветной культурной нормы, необходимой для подражания. Между тем притягательные образы народа, людей труда (рабочего, ученого, врача, учителя, инженера и др.), примеры гражданской чести и воинской доблести в культуре не артикулируются. В социальном смысле опасность заключается в том, что «голос народа» в культуре скоро некому будет выражать и он уже нередко прорывается в контркультурных формах, подпитывая экстремистские и радикальные движения.

Сегодня, как никогда, жизнеспособность молодого поколения зависит от наличия у него духовного потенциала, способности противостоять влиянию чуждых идеологий и деструктивных культов, быть психологически устойчивым. Не случайно, осмысливая современные угрозы нашему обществу, патриарх Кирилл говорит о попытках изменить, «переписать» цивилизационный код нашего народа, погасить духовный вектор развития нашего общества, размыть его ценностные основы. И в этом плане панэкономизм и коррупция, подрывая веру и надежду людей на лучшую жизнь, разрушают «защитный слой» общества, вызывают в нем «синдром духовного иммунодефицита». «Инфицированная» этим синдромом молодежь без колебаний пополняет ряды жертв силовой глобализации, информационных войн и гуманитарных интервенций.

Как уже отмечалось, обращение к молодежной проблематике сегодня неизбежно сопровождается темами проявления экстремизма, ксенофобии, шовинизма, радикализма, насилия, распространения наркомании, алкоголизма, проституции, токсикомании и т. п. В чем причины этих бед? Где искать их корень? Ответы звучат самые разные. Впереди всех спешат все объяснить главные «специалисты» по «социальным язвам» современной России в лице экспортированных поборников прав человека и либеральных гуманистических. Они твердят об отсутствии у российской молодежи культуры толерантности, опыта демократии, свободы самовыражения, психологической культуры и т. п. Тут же предлагаются различные «рецепты исцеления» на любой вкус (и цену) — всевозможные образовательные программы, курсы, тренинги, центры, фонды и т. д. С другой стороны, официальные власти большую часть молодежных проблем стремятся списать на безотказный конек внешнего (не нашего) «тлетворного влияния», которое нужно изживать в патриотичных рядах «Наших», «Идущих вместе» и прочих движений. Все верно. Наша молодежь не отличается толерантностью, психологической культурой, равно как идейной устойчивостью и патриотизмом и т. д. Проблема в том, что все это есть следствия, а не причины сегодняшних бед молодежи. Реальные же причины нужно искать в тех «правилах игры», которые диктуются спекулятивно-экономическими интересами сильных, и которые деформируют сами жизненные структуры и ценности общества. Трудно ожидать от молодежи социальной активности в условиях роста социального отчуждения и хронической нищеты при безучастности властей, в условиях нарастающего разрыва поколений, примитивизации образования и усиливающейся безграмотности, в атмосфере аннигиляции культуры, духовной опустошенности, слабости веры и политической воли и др.

Молодежь — это нерв нации, ее неприкрытая эмоция. Это та «лакмусовая бумажка», по которой можно судить о состоянии

дел в обществе (Ильинский, 2001). Сегодня молодежь во многом испытывает состояние заброшенности и безучастия со стороны общества, невостребованного романтизма, тоску по справедливости, по живому общению, по подлинно духовным ценностям и высоким идеалам, к которым стоит стремиться. В целом отмечается два опасных вектора настроений в молодежной среде (приводящих к вышеотмеченным бедам) — это безысходность и протест. В их основе, на наш взгляд, лежат два базовых состояния, два поглощающих сознание и внутренне разъедающих личность синдрома — *нравственный голод* и *жажда справедливости*. Причем оба они есть «две стороны одной медали», т. е. вызываются одним явлением, насквозь поразившим наше общество. Речь идет о непомерно высоком *уровне социального расслоения* при общем падении нравственных устоев и всепроникающем равнодушии. Социальное расслоение и равнодушие — именно из этой расширяющейся пропасти поднимаются наиболее ядовитые испарения, отравляющие жизнь современной молодежи, да и общества в целом. Рост социальных асимметрий в России достиг тех пределов, когда ситуацию впору характеризовать в терминах «тихой холодной гражданской войны» (Ильинский, 2008).

Таким образом, корень основных бед молодежи заключается в росте социального отчуждения и правовой несправедливости, с которыми не могут совладать ни власть, ни различные социальные структуры. Общей причиной такого положения, на наш взгляд, выступает утрата нравственных основ социально-экономического функционирования государства.

В этой связи многие видные мыслители, ученые подчеркивают, что общество и молодое поколение нуждаются в принципиально новых формах жизнедеятельности, в опыте гражданского служения и заботы, в примерах жизни иного рода, в которой такие понятия, как Совесть, Честь, Добро, Правда, Справедливость, выступают исходными смыслами существования личности. Между

тем многие молодые люди сами стихийно ищут альтернативные пути, обращая свой интерес к церкви, благотворительности, а также к деятельности в различных добровольческих организациях.

В настоящее время в России усилиями движений за гражданское общество, молодежных и общественных организаций выстраивается институт добровольчества (Добро без границ..., 2002). Данный факт имеет безусловное позитивное значение в деле формирования новых поколений и оздоровления общества в целом. Добровольческая деятельность выступает как неиссякаемый источник и ресурс нравственности. В философии добровольчества личное счастье и благополучие рассматриваются как продолжение счастья и благополучия окружающих людей. Зарождение добровольческой деятельности в современной России стимулировалось влиянием различных волонтерских движений, охвативших цивилизованный мир в последние полвека (Сикорская, 2008).

Этимологически термины «волонтер» и «доброволец» имеют почти тождественное значение, хотя более пристальный взгляд позволяет увидеть важный отличительный нюанс русскоязычного термина, касающийся нравственной основы самой деятельности.

Как известно, понятие «волонтер» происходит от французского *volontaire*, которое, в свою очередь, является производным от латинского *voluntarius* — волевой, самовольный (от *volutas* — воля). Изначально этим термином обозначалось лицо, добровольно поступившее на военную службу. В широком смысле понятие «волонтер» означает человека, осуществившего сознательный, самостоятельный выбор, занимающегося каким-либо делом по собственному желанию и убеждению. Это чистая *произвольность*.

Русскоязычный эквивалент данного понятия сегодня несравненно содержательнее, чем его франко-итальянский прототип. Нетрудно заметить, что термин «доброволец» происходит не от одного, а от двух слов: «Добро» + «Воля», соединяя их в себе в од-

но целое. То есть своим происхождением это слово обязано понятию доброй воли. В свое время И. Кант говорил об *автономной доброй воле* как некоей внутренней инстанции, к которой прислушивается человек в нравственном поиске. Добрая воля, по Канту, существует как внутренний определитель назначения человека, философ сравнивает ее с компасом, «который помогает человеку ориентироваться среди бурь и волнений житейского моря, видеть, куда ведут его поступки — к добру или злу» (Кант, 1965: 159). В этой связи термин «доброволец» отражает качественную сторону деятельности человека, ее нравственное значение.

Несложный этимологический анализ показывает, что понятие «волонтер» не отражает характера той деятельности, которую избирает человек, а обозначает лишь способ участия в ней субъекта (самостоятельно, произвольно). Между тем в понятии «доброволец» в широком значении подразумевается определенный смысл деятельности, созидательной по своей сути, направленной на Добро. То есть в данном понятии присутствует не только субъектный аспект деятельности, но и ее нравственное измерение.

Таким образом, в русском языке и отечественной ментальности добровольцем, по сути, может называться только тот, кто творит Добро по собственному желанию. В западном аналоге, как видно, такой нравственной определенности не возникает.

Как отмечают исследователи, понятие «добровольчество», а в западной традиции «волонтерство» (*volunteerism*), применяется для обозначения добровольческого труда как деятельности, осуществляемой людьми добровольно на безвозмездной основе и направленной на достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества. Во многих странах мира добровольческий труд сегодня — повседневная социальная практика: люди объединяются для того, чтобы посадить деревья, обучать здоровому образу жизни, проводить экологические акции, организовывать конференции, форумы, строить, вести профилактику правонаруше-

ний, решать общие проблемы (Кудринская, 2006).

Добровольчество как социокультурное явление неразрывно связано с историей развития общества, имеет свои исторические предпосылки и цивилизационный опыт развития. Религиозные ценности (труд как путь к спасению; высокий уровень социальной организации жизни как долг служения Богу, добрые дела как знак избранничества; готовность к обучению и принятию нового) в сочетании с гражданскими свободами стали основой современного добровольчества. Тем самым суть добровольческого труда заключается в свободе от социального, экономического и политического принуждения и бескорыстной направленности на решение проблем сообщества.

Добровольческий труд имеет свою традицию и в России. Он явился важнейшей характеристикой отечественной истории. Для крестьянских общин в России был характерен этот вид труда при решении общих проблем. Взаимопомощь, взаимоподдержка сделали крестьянскую общину одним из самых устойчивых институтов, влияние которого сохраняется и поныне. Наряду с общинными формами общественное благодеяние в России обрело и другие формы, что нашло отражение в гражданских движениях, объединивших в своих рядах большое число известных и неизвестных активистов, нравственной потребностью которых была помощь ближнему (Кудринская, 2006: 22). Один из известных примеров — безвозмездная деятельность представителей интеллигенции (учителей, врачей и т. д.) в сфере культуры — «хождение в народ». Другой пример: Московской городской Думой в 1894 г. учреждаются «Городские Попечительства о бедных», концепция которых разработана В. И. Герье. В «Русских Ведомостях» № 57 за 1895 г. приводятся его слова: «Без общего и дружного участия всех достаточных жителей столицы Попечительства не будут в состоянии справиться со своей задачей». После революции 1917 г. безвозмезд-

ный труд граждан в СССР был массовым, но инициированным сверху государственно-партийными структурами. Он рассматривался как предкоммунистический или даже коммунистический труд (субботники, добровольные дружины, тимуровское движение, просветительская деятельность и пр.) (Кудринская, 2006: 22). Однако это был псевдодобровольный труд, поскольку не был свободным для граждан, носил во многом принудительный, конъюнктурный, идеологический характер. Сегодня в России восстанавливаются принципы свободной добровольческой деятельности, отвечающей духу и принципам гражданского общества (Кудринская, 2006: 20).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гневашева, В. А. (2008) Российская молодежь в начале XXI века: ее социальный образ для нас и для мира // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 24–37.
- Добро без границ : Федеральный информационный центр молодежных социальных программ. (2002) М. : МГСА. 40 с.
- Ильинский, И. М. (2001) Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория. М. : Голос.
- Ильинский, И. М. (2008) Тихая холодная гражданская война // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 5–10.
- Кант, И. (1965) Соч. : в 6 т. М. : Мысль (Философ. наследие). Т. 4. Ч. I. 544 с.
- Ковалева, А. И., Луков, Вал. А. (1999) Социология молодежи: Теоретические вопросы. М. : Социум.
- Кудринская, Л. А. (2006) Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции : дис. докт. социол. наук. М.
- Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад ИС РАН (2007) М.
- Сикорская, Л. Е. (2008) Организация добровольческой деятельности в городской среде : учебно-методическое пособие. М. : Изд-во Национального института бизнеса. 212 с.
- (Окончание следует)*